

осуществлялось на территории балто-славянского (угро-финского-балто-славянского) двуязычия в зависимости от конкретных взаимодействующих типов вокализма. Таким образом, здесь подтверждается догадка Р.О. Якобсона "о трех независимых путях развития аканья"⁵⁹.

Поскольку древнейшая область балто-славянского контакта сейчас реконструируется по реке Сож и средней и верхней Десне, и археологи датируют его VIII-IX вв., то это задает "верхнюю границу" начала балто-славянского взаимодействия на рассматриваемой территории. Дальнейшая славянская колонизация по Днепру к верховьям Оки и Волги (IX-XII вв.) указывает на основной период интенсивного балто-славянского двуязычия. В XIII в. балтийские племена уже не упоминаются на этих землях, но результаты интерференции обычно проявляются поздно, когда активный билингвизм сменяется одной результирующей системой. Процесс балто-славянского взаимодействия, начавшийся в доисторическое время и оставивший след уже в XIII в., продолжается до наших дней, - теперь этот ареал балто-славянских контактов проходит по землям Белоруссии, Литвы и Латвии, представляя редкую возможность наблюдать взаимодействие различных систем вокализма и других систем языка⁶⁰, во многом определившее особенности развития русских аканьющих говоров.

А. П. НЕПОКУПНЫЙ

НАЗВАНИЯ ЯТВЯЖСКИХ СЕЛ НА -ИЩА В ГАЛИЦКОЙ ЧАСТИ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

0.1. Зимой 1254-1255 гг.¹ князь Даниил Галицкий вместе со своим братом Васильком и сыном Львом в союзе с рядом других князей предпринял поход на ятвягов, о котором в галицкой части Ипатьевской летописи сообщается, в частности, следующее: "И приѣхав же ко вси рекомѣ Болдикиша, посла Лѡа с братом. Левъ же тихо шѣхавъ село ишче все, единого же приведе, король же оупроси его; единому же рекъшоу, яко во вси рекомѣ Привища собралися соуть *Итѡвази*. Слышавъ король, посла штрока Андрѣа рекши дворьскому... не распустили люди и оудержати полкъ. *Шдиному* же *Итѡважину* гоньзновшоу изъ вѣсцѣ *Шлѡдикишѣ*, онѣм же вооружившимся стрѣлоша стрѣлци конѣцѣ вси рекомѣ Привища и возгнаша и". (Ипат. лет., л. 278-278 об.).

Из упоминаемых в этом отрывке названий ятвяжских сел на -ища только *Привища* обладают достаточной определенностью. Во-первых, данный ойконим упоминается дважды, так что можно быть уверенным в правильности записи, тем более, что он зафиксирован также и на страницах исторических источников на латинском и немецком языках². Во-вторых, известна локализация этого населенного пункта на современной карте - Prawdziszki Элкского повята Белостокского воеводства ПНР (подробнее об этом ниже).

Ничего подобного нельзя сказать о двух других названиях - *Болдикиша* и *Ольдикиша*: они зафиксированы только в одном источнике (Галицко-Волынская летопись, или, лучше сказать, галицкая часть Ипатьевской летописи), не повторяются и не локализируются. В связи со сказанным основное внимание в данной статье будет уделено именно этим малоизвестным географическим наименованиям на территории ятвяжских земель.

Прежде всего отметим, что составители ономастических указателей к летописям приводят оба названия как варианты одного и того же:

"Болдикиша (Ольдикишѣ), село ятвяжское..."³,

"Болдикиша (Ольдикиш), село в Ятвяжской земле"⁴.

¹ В связи с известной запутанностью хронологии в этой части летописи автор здесь и ниже воспользовался уточненной датировкой событий галицко-ятвяжских взаимоотношений в том виде, в каком она - в соответствии с историческими разысканиями - представлена в издании: Галицко-Волынский літопис, ч. 1, 2. Львів, 1936.

² Būga K. Lietuvių kalbos žodynas. Įvadas. - In: Būga K. Rinktiniai raštai, t. III. Vilnius, 1961, с. 147.

³ Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей. Отдел II. Имена географические. СПб., 1907, с. 14.

⁴ Именной и географический указатель к Ипатьевской летописи. М., 1975, с. 75.

⁵⁹ Jakobson R.O. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. - TCLP, 1929, II, p. 93.

⁶⁰ Судник Т.М. Диалекты литовско-славянского пограничья. Очерки фонологических систем. М., 1975.

Точно так же объединяет их и польский историк А. Каминьский, отдавая предпочтение первому⁵. Однако еще в 1924 г. К. Буга рассматривал летописную форму *Ольдикища* как самостоятельное название, которое следует читать *Ольдикища* (и, вм. ъ - ошибка в написании)⁶. Итак, возникает вопрос, об одном - *Болдикища*, или **Ольдикища*, либо двух - *Болдикища* и **Ольдикища* - селах идет речь в летописи?

0.2. Болдикища бесспорно были первым ятвяжским селом по маршруту похода Даниила и его союзников. В этом убеждает не только, так сказать, очередность упоминания данного названия в описании передвижения объединенных войск, но и то, что "Левъ же тихо шбѣхавъ село иѣще все" (л. 278 об.). Эта акция отчасти была вызвана опасением "подать знаменье" ятвягам и тем самым поставить под угрозу успех похода, как случилось с Даниилом за несколько лет до описываемых событий в конце 1248 - начале 1249 гг., когда "найдоша на страну ихъ (ятвягов. - А.Н.) не стерпѣвшимъ же Ляхомъ зажгоша ихъ первую в(е)сь тѣмъ бо зло створиша и знаменье имъ подаша" (л. 272). Ясно, что в этом же ключе следует оценивать и сообщение летописца о побеге ятвяга, плененного в первом селе (Болдикищах): "Одиному же ятвѣжиному гонѣзновшю изъ вѣсѣ ѡльдикиши" - бежавший также мог "подать знаменье", т.е. предупредить противника. В пользу такого мнения свидетельствует и сам контекст, в котором находится только что процитированная фраза: с одной стороны, речь идет о том, что вследствие неправильно переданного приказа Даниил во время своего наступления остался без поддержки основных сил, а с другой - что авангард его отряда (стрѣлци) при подходе к Привичам был встречен "вооружившимися" ятвягами и отброшен ими.

Точно так же и то, что к Даниилу приводят "языка" из Болдикищ, имеет аналогию в том же самом походе на ятвягов, когда "не стерпѣвшимъ же Ляхомъ зажгоша ихъ первую в(е)сь". Вот отрывок из летописи о событиях конца 1248 - начала 1249 г.: "...два Варва оубьена быста, третьего живаша. роукама. и приведенъ бы(с) ко князю Данилови. ре(че) же емоу. изведи ма на поуть правыи. животь при-мещи. и вдасть емоу роукоу изведе его. и предоша рѣкоу Лѣкъ" (л. 272 об. - 273). Таким образом, исходя из этой параллели, следует предположить, что если после того, как пленный из Болдикищ сообщил о сосредоточении ятвягов в Привичах, ему была оставлена жизнь (а это так, поскольку он потом бежал), следовательно, как местный житель, хорошо знающий дорогу, этот безымянный ятвяг должен был выполнять роль еще одного проводника Даниила. До этого момента проводником галицкого князя был Анкад: "Анкадъ же вождь емоу бѣ, и шбѣща емоу. да село его не пожѣено боудеть" (л. 278).

Возвращаясь к той напряженной ситуации, в которой оказался Даниил во время наступления на Привича, следует думать, что общей динамичности рассказа летописца в большей мере соответствовало бы упоминание нового насе-

ленного пункта, чем возвращение к уже названному. Если пленный ятвяг еще не вошел в роль проводника, нужно ли было бы указывать место его побега?

0.3. Как сами формы рассматриваемых названий, так и словосочетания, в которых они выступают, не позволяют ставить знак равенства между *Болдикищами* и *Ольдикищами*. Напротив, ряд аргументов свидетельствует в пользу лингвистической самостоятельности каждого из этих ойконимов.

Прежде всего *Болдикища* и *Ольдикища* резко отличаются друг от друга по своему анлауту (B = : O =). Однако существенное расхождение наблюдается и внутри слова. Как уже отмечалось, по мнению К. Буги, *Ольдикища* - это ошибочная запись вместо **Ольдикища*, и в таком случае балт. 1, находящееся в обеих формах фактически в одной и той же позиции, получило в них различные интерпретации: ср. *Болдикища* и **Ольдикища*. Возникает вопрос: не связано ли это с тем, что Болдикища были первым населенным пунктом на окраине ятвяжских земель, а потому, возможно, и более известным по своему названию для летописца, чем расположенное где-то в глубине этого края село Ольдикища, впервые услышав и зафиксировав наименование которого, автор соответствующего отрывка не мог избежать ошибки? Во всяком случае, такое предположение не лишено оснований.

Далее, весьма показательно, что автор летописи употребляет по отношению к обоим ойконимам различные географические термины: Болдикища - это *весь* (ко вси) 'селение, деревня', село (шбѣхавъ село), тогда как **Ольдикища* (ѡльдикища) - *веска* (изъ вѣсѣ) 'деревушка, небольшое селение'⁷. Такое противопоставление является важным аргументом против отождествления Болдикищ и Ольдикищ, поскольку, например, Привича, упоминаемые в тексте как после первых, так и после вторых, в обоих случаях называются *весью* (и это действительно большое селение, если там смогло собраться ятвяжское войско). При этом характерно, что данное употребление термина *веска* является единственным во всей Галицко-Волынской летописи, в которой и само слово *весь* встречается исключительно в галицкой части, иногда чередуясь с его чисто волынским синонимом *село*⁸ (как в случае с Болдикищами).

Наконец, еще одним - и решающим - аргументом против отождествления обоих названий является факт существования для каждого из них своей самостоятельной исходной формы, о чем ниже и пойдет речь.

1.1. *Болдикища*. Еще К. Буга указал на происхождение этого названия из ятвяжск. **Baldikiskja-//*Baldikiskja-*, причем в словообразовательном отношении ближайшей параллелью к этой летописной форме стала литовская фамилия *Baldikis*, зафиксированная в Жемайтии (Тяльшай и Жаренай)⁹. Наиболее точным соответствием рассматриваемой форме в ойконимии современных славянских территорий являет-

⁷ Словарь русского языка XI-XVII вв., вып. 2. М., 1975, с. 113 (в данном случае цитируется обсуждаемый нами летописный отрывок).

⁸ Генсьорський А.І. Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). Київ, 1961, с. 67, 86.

⁹ Вѣжа К. Оп. cit., p. 142.

⁵ Kamiński A. Jaćwież. Terytorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne. Łódź, 1953, с. 167, 112, 95.

⁶ Būga K. Op. cit., p. 146.

ся название с. Beldyki к северу от Нарева (Макувский повет Варшавского воеводства ПНР), фиксируемое под 1446 г. как Baldiky (de Baldiky) и возникшее, как справедливо считает К. Циргоффер, от антропонима *Baldyka балтийского происхождения¹⁰.

1.1.1. В настоящее время уже можно указать не только на реконструкцию, но и на действительную фиксацию искомого антропонима в исторических документах: под 1528 г. среди жителей с. Jemelki Mikołajewiata Соколовской пафании Бельской земли зарегистрированы Stanisław Baldyka и Mateu Baldycyszcz¹¹. По современному административно-территориальному делению это с. Ямелки (Jamiolki) громады Русь-Стара Высоко-Мазовецкого повета Белостокского воеводства ПНР¹². Таким образом, здесь мы и находим тот антропоним, от которого образовались названия сел - как Beldiky (1446 г.), так и Болдикища (1254-1255 гг.).

Антропонимическое словосочетание Stanisław Baldyka показывает, что последняя форма произошла с палатальным л. По сравнению с летописным ойконом Болдикища это личное название выглядит как еще не освоенное заимствование, поскольку в нем не произошло ни замены балт. а слав. о (ср. Болдикища), ни диспалатализации: Baldyka а не Bałdyka, как в основе только что упомянутого географического наименования. Кстати сказать, о том, что форма Болдикища уже фиксирует отверждение исходного л, говорит другое название - *Ольдикища, о чем уже шла речь выше.

Исходя из распространенности корня bald- в балтийском ономастике вообще и в прусском в частности¹³, с одной стороны, а также имея в виду название ятвяжского села Болдикища - с другой, следует считать антропоним Baldyka ятвяжским по своему происхождению. Реконструируемая форма *Baldik- помимо названного корня bald- содержит также уменьшительный суф. -ik-, достаточно широко представленный в прусской антропонимии¹⁴.

1.1.2. В той же Соколовской пафании, откуда происходит указанное дополнение к списку ятвяжских имен, под тем же 1528 г. встречаются параллели и к хорошо известной части летописного имени этого западнобалтийского этноса. Ср., например, антропоним Бороутъ (1248 г. - Ипат. лет., л. 269) и Nemera Boruticz (с. Truskolesy Woytkowiata¹⁵, которое, видимо, следует локализовать на территории громады Трусколясы-Ляхи в соседнем с Высоко-

Мазовецким повете Лапы). К этому необходимо добавить, что и в самом Высоко-Мазовецком повете, где локализуются интересующие нас формы Baldyka и Baldycyszcz, тогда же был записан Stanisław Boruta (с. Склады)¹⁶, а под 1580 г. - ойконом Choiane Boruthy, где Boruthy - ныне не существующая часть современного с. Хояне¹⁷. Антропоним Borutha (Jan B.) в тот же период был зарегистрирован и значительно севернее этих мест - в с. Бялосукня повета Моньки¹⁸, т.е. в том же самом повете, где с XVI в. фиксируется ойконом Jatwież (Mała, Wielka) как уже прямое указание на ятвягов¹⁹.

1.1.3. Что касается возможных географических ориентиров антропонима Baldyka (как, впрочем, и Boruta), здесь следует обратить внимание на его локализацию вблизи с. Русь-Стара. Как известно, Гродненщина была одним из основных исходных районов движения восточнославянского населения на территорию современного Белостокского воеводства (ср. там названия села Horodniany от Horodno, т.е. Гродно)²⁰, и поэтому не исключено, что предшествующий этап в истории ятвяжского антропонима был связан с западными районами Белоруссии.

1.2. *Ольдикища. Так, согласно К. Буге, следует читать запись Ольдикища: изъ вѣсцѣ Олыдыкищъ²¹. Собранные нами материалы подтверждают правильность этого мнения.

1.2.1. Искомое исходное имя встречается среди жителей местечка Пярлоя (польск. Przełaje, лит. Perloja - ныне Варенского р-на ЛитССР) в конце XVII - начале XVIII в. В метрических книгах бывшей Даугайской пафании, хранящихся в Рукописном отделе Научной библиотеки Вильнюсского университета (ф. 102, JR, 5 и др.), а также в Центральном государственном историческом архиве ЛитССР в г. Вильнюсе (ф. 694, оп. 2, д. 2390), неоднократно упоминаются такие жители Пярлои (за небольшим исключением, ниже приводятся данные из ф. 102, поэтому, кроме года, указывается только лист; ф. 694 оговорен особо):

Thomas Ałdykas (1681, 1684 - с. 43, 80);

Andreas Oldyka (1687, 1691, 1693, 1695, 1696 - с. 78, 82, 93, 96-97, 102), Ołdyka (1692 - с. 88), Oldyk (1696 - с. 102);

Casimirus Oldyka (1687, 1691, 1692, 1693, 1701 - с. 80, 82, 88, 93; ф. 694, л. 296), Holdyk (1693 - с. 93), Holdica (1700 - с. 116), Aldik (1700 - с. 123), Ałdyka (1700 - с. 123, 245), Audika (1724 - с. 241), Ałdykiewicz (1725 - с. 248), Nałdykas (1726 - с. 258), Ałdyka (1728 - с. 260);

Anna Hołdykuwna (1716 - с. 217).

Не исключено, что в приведенных материалах под именем Casimirus Oldyka на протяжении 1687-1725 гг. вы-

¹⁶ Там же, с. 220.

¹⁷ Regestra poboru... w r. 1580. - In: Źródła dziejowe, t. XVII, cz. 1..., с. 101.

¹⁸ Там же, с. 117.

¹⁹ Здесь и выше см.: Halička I. Op. cit., p. 15, 72-73.

²⁰ См.: Kondratiuk M. Nazwy miejscowe południowo-wschodniej Białostoczczyzny. Wrocław - Warszawa - Kraków - Gdańsk, с. 9, 70.

²¹ Būga K. Op. cit., p. 146.

¹⁰ Zierhoffer K. Nazwy miejscowe północnego Mazowsza. Wrocław, 1957, с. 106.

¹¹ Popis wojenny ziemian województwa Podlaskiego. - Źródła dziejowe. T. XVII, cz. 1. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. T. VI, cz. 1, Podlasie (województwo). Warszawa, 1908, с. 206.

¹² Halička I. Nazwy miejscowe środkowej i zachodniej Białostoczczyzny dzierżawcze, patronimiczne i rodzinne. Warszawa, 1976, с. 69.

¹³ Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. А-Д. М., 1975, с. 185.

¹⁴ Trautmann R. Die altpreußischen Personennamen. Göttingen-Vandenhoeck - Ruprecht, 1925, S. 172.

¹⁵ Popis wojenny..., с. 205.

ступает не одно, а по меньшей мере два лица. Ведь согласно историческим источникам во время чумной эпидемии 1710 г. в Пярло и ее волости вымерло все население²². Вместе с тем то обстоятельство, что и после роковой для названного населенного пункта даты в нем продолжается употребление рассматриваемого нами антропонима (ср. *Hořdykuwna* - 1716, *Aidyka*, *Audyka* - 1724, *Aidykiewicz* - 1725, *Nařdykas* - 1726, *Aidyka* - 1728), позволяет усомниться в абсолютном характере катастрофических последствий эпидемии. Однако даже в том случае, если носители данного фамильного прозвища являются новыми жителями Пярло, поселившимися здесь после гибели их родственников, то и тогда это свидетельствует о распространенности антропонима *Oldyka* и под. пусть не в самой Пярло, так в ее ближайших, не пострадавших от эпидемии окрестностях. При любой интерпретации сообщенные антропонимические факты имеют самостоятельную ценность для истории известного с XIV в. местечка на юге Литвы.

1.2.2. Возвращаясь к собственно лингвистическим вопросам, отметим, что исходной основой балтийского антропонима, различные модификации которого представлены в приведенных выше записях, бесспорно была **Aldik-* (**Aldik-*).

Славянизация этого антропонима происходила в соответствии с теми правилами, которые наблюдаются при освоении славянами географических названий литовского происхождения как на территории самой Литвы, так и за ее пределами. Например, лит. *a* обычно передается польск. *o* (изредка - через *a*), причем в начале слова появляется протетический *h-*: *Adutiškis* > *Hořuciszki*²³. Ср. *Aldik*, *Hol-duk* и под. Наряду с этим *al* иногда чередуется с *au*²⁴ (ср. *Audika*), что, впрочем, известно и в самих говорах литовского языка²⁵.

В отношении этимологической интерпретации антропонимического элемента *ald-* в настоящее время трудно дать определенный ответ. Здесь следует иметь в виду по крайней мере две возможности.

Указание на первое из двух возможных решений можно найти у К. Буги. В свое время классик литовского языковедения очень осторожно попытался связать *ald-* (из реконструируемой им на основе ятвяжского ойконима *Олдикища* формы **Aldik-iskia-*; при этом в качестве опоры на современный материал указывалась фамилия *Aldonas*) с *vald-*, однако сам же отбросил такое объяснение своим замечанием, что "вместо *Valdikiskiai* русские написали бы *Вольдикища*"²⁶.

Вместе с тем антропонимические материалы, как кажется, позволяют продолжать поиски возможного существования такой связи.

Прежде всего укажем, что в собрании прусской антропонимии Р. Траутманна обращает на себя внимание такое соотношение форм, как прусск. *Aldewisse*, с одной стороны, и лит. *Wissewalde*²⁷ - с другой. Нельзя ли попытаться истолковать оба имени как сочетание одних и тех же компонентов, т.е. (в духе наметки К. Буги) *ald-* = *vald*? При этом попутно заметим, что форма *Aldewisse* не была проанализирована немецким балтистом.

В то же время антропоним *Aldegut* оказался расчлененным на *Al-* и *-degut*²⁸. Однако в последнее время В.Н. Топоров поставил под сомнение правомочность отнесения данного антропонима к производным от *al-*²⁹, а еще в конце 30-х годов К. Каспарсон делил эту форму на компоненты *Alde-gut*³⁰. Ориентируясь на уже рассмотренную нами форму *Aldewisse*, очевидно, и в данном случае можно - вслед за К. Каспарсоном - выделить *Ald(e)-*. Но подтверждается ли это со стороны последующего компонента *-gut*? Разумеется, речь идет о менее ясном примере, чем *Aldewisse*, поскольку такая антропонимическая основа в перечне Р. Траутмана отсутствует. И все же, исходя из употребления ономастических образований от *gaut-*, с одной стороны, и функционирования наряду с антропонимической основой *gaud-* ее аблаутной формы *gud-*, с другой³¹, можно считать, что, видимо, таким же чередовательным вариантом является и вычленяемый компонент *gut-* (*gaud-* : *-gud-* = *gaut-* : *gut-*). Таким образом, вторая часть антропонимической композиции *Aldegut* в известной мере также может быть опорой при выделении элемента *ald(e)-*. Тем самым появляется некоторое основание для утверждения, что в прусской антропонимии действительно существовал именной компонент *ald-*, представленный в таких формах, как *Aldewisse* и *Aldegut*.

Участие компонента *ald-* в сочетании с таким полнозначным антропонимическим элементом, как *vis-*, указывает на то, что он (т.е. *ald-*) также не потерял своей семантики. Это вновь приводит нас к предположению, что здесь может быть связь с корнем *vald-*. Потеря аблаутного *v-*? Однако в балтийских языках такое явление известно только в позиции перед *u*, *ū*, *uo*³².

Вторая возможность - это выведение компонента *ald-* из корня *aud-* (ср. лит. *audrā* 'буря')³³, как это представлено в двух параллельных названиях одной и той же литовской реки *Audrā* и *Aldrā*³⁴. В фонетическом отношении

²² *Mažoji Lietuviškoji Tarybinė Enciklopedija*, t. II. Vilnius, 1968, с. 821.

²³ *Otrębski J. Slawizacja litewskich nazw wodnych i miejscowych*. - In: *Z polskich studiów slawistycznych*. Seria druga. Warszawa, 1963, с. 269, 277.

²⁴ *Prinz J. Die Slavisierung baltischer und die Baltisierung slavischer Ortsnamen im Gebiet des ehemaligen Gouvernements Suwałki*. Wiesbaden, 1968, S. 266.

²⁵ *Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija*. Lyginamoji tarmių fonetika ir morfologija. Vilnius, 1966, с. 164.

²⁶ *Būga K. Op. cit.*, p. 146.

²⁷ *Trautmann R. Op. cit.*, p. 12, 155.

²⁸ Там же, с. 11, 131.

²⁹ Топоров В.Н. Указ. соч., с. 71.

³⁰ Приводится по работе: *Duridanov I. Thrakisch-dakische Studien*. I. Die thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969, S. 15.

³¹ *Trautmann R. Op. cit.*, p. 137-138.

³² *Endzelynas J. Baltų kalbų garsai ir formos*. Vilnius, 1957, с. 46.

³³ Топоров В.Н. Указ. соч., с. 144.

³⁴ *Zinkevičius Z. Op. cit.*, p. 164.

таким путем, возможно, легче объяснить появление формы *Oīdyka*, но, с другой стороны, мы не располагаем примерами употребления производных от этого корня именно в антропонимии.

Итак, вопрос о происхождении антропонимического элемента *ald-* остается все же открытым.

1.2.3. Перлоя с ее антропонимом *Oīdyka* (а именно такую форму следует считать наиболее типичной) локализуется на восточной окраине ареала ятвяжских реликтов в современном литовском языке: в частности н.п. Нядинге (*Nėdingė*), которому в административном отношении подчинена Перлоя, в своем названии содержит суф. *-ingė*, относимый к словообразовательным признакам ятвяжского языка³⁵. Таким образом, это обстоятельство уже само по себе позволяет рассматривать исследуемую форму *Oīdyka* в общем контексте ятвяжского языкового наследия.

Однако не менее выразительным моментом — уже в собственном антропонимическом аспекте — является то, что в Перлое одновременно с *Ол(ь)дыками* жили и те, которые в своем имени продолжали традицию употребления ятвяжского антропонима *Юндиль*. Кстати сказать, это личное название упоминается в описании того же похода зимы 1254–1255 гг., с маршрутом которого связаны и интересующие нас ойконимы: "Наоутрѣм же приѣхаша шти Юдѣмъзъ Юндиль" (л. 279). Приведем необходимые свидетельства: *Casimirus Jundzelewicz* (1687 — ф. 102, JR, 5, с. 78); *Alina Jundzialowna* (1705 — ф. 694, оп. 2, д. 2390, л. 301 об.), *Cristina* (в записи также *Xtina*) *Jundzielowna* (1706 — там же, л. 306 об.; 1709/1710 — *Jundzielowiczowa* — там же, л. 630 и 318 об.) и др. И хотя К. Буга уже отметил целый ряд антропонимических соответствий имени *Юндиль* в более поздних памятниках³⁶, все же в данном случае особо ценной представляется роль данной формы в общем сосредоточении ятвяжских черт.

1.2.4. Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что в антропонимии ятвягов существовало имя с основой *Aldik-* (*Aldik-*), от которого и было образовано летописное название села *Олдикища*.

Реальное существование антропонима *Oīdyka* и под. в территориальном сочетании с другими явлениями ятвяжского типа (прежде всего в ономастике — с лексической, словообразовательной и фонетической сторон) решительным образом свидетельствует в пользу правильности предложенной К. Бугой реконструкции исходной формы летописного названия села *Олдикища* как **Ольдикища*. С утверждением лингвистически самостоятельного характера последнего наименования тем самым устраняется основа для отождествления **Ольдикища* = *Болдикища*, которое до сих пор — в той или иной форме — имеет место в исторических трудах. Следовательно, в дальнейших как историко-лингвистических, так и историко-географических разысканиях необходимо исходить из реальности существования не одного *Бол-*

жища (*Олдикища*), а двух — *Болдикища* и **Ольдикища* — ятвяжских сел.

1.3. *Привища*. В самом начале статьи уже шла речь о том, что название *Привища* является наиболее определенным из всех. Действительно, уже в 1924 г. К. Буга указывал на прусский антропоним *Preiweis*, который соответствует исходной основе данного ойконима³⁷. С выходом в свет в 1925 г. книги Р. Траутманна число свидетельств типа *Preiweis*, *Preuwis* буквально удесятирилось³⁸. Таким образом, и с этой стороны рассматриваемое географическое название является "обеспеченным" уже в течение длительного времени. Едва ли ни единственное затруднение, связанное с данным ойконимом, — это отношение к нему формы *Правища*.

1.3.1. Уже К. Буга высказал предположение, что *Правища* — это ошибочное написание вместо *Привища*³⁹. По нашему мнению, это же подтверждается и со стороны сочетаемости ойконимов с географическими терминами. Так, дважды употребив словосочетание "(ко//конѣцъ) вси рекомѣи Привища" (л. 278 об.), летописец в дальнейшем сообщает: "ставши же на Правищих на ночь" (л. 279), т.е. не приводя географического термина, поскольку — надо так думать — речь идет об уже знакомом объекте. Ср. то, как сказано о последующих двух стоянках войска: "и ста на селѣ Корковичихъ", "тогда же ноши ста на болотѣхъ во Ѡстровицхъ" (там же), т.е. с указанием на то, что именно обозначает название, а если оно совпадает с термином (как в последнем случае), то опять-таки его сопровождает и уточняет другой термин (на болотѣхъ). Итак, отсутствие слова *весь* (*село*) в сочетании "на Правищих" следует расценивать как аргумент в пользу того, что *Правища* и *Привища* — это одно и то же. При этом следует заметить, что совсем иной характер имеет отсутствие прямого указания на тип географического объекта при перечислении: "зажгоша Тамсевиче. и Боуралѣ и Раимоче и Комата. и Дора и града. плѣнѣ — хоуть" (там же). Противопоставление городам ("и града...") также свидетельствует о том, что речь идет о селах. Следовательно, и с этой стороны отсутствие географического термина в словосочетании "на Правищихъ" не теряет своей выразительности.

Таким образом, форма *Правища* является не самостоятельным географическим названием, а лишь искаженным написанием ойконима *Привища*. Это подтверждается, кстати сказать, и тем, что в латинских и немецких текстах отражена только форма с приставкой *prei-*⁴⁰.

2.0. В словообразовательном отношении *Болдикища*, **Ольдикища* и *Привища* относятся к одному и тому же ряду названий на *-ища* как плуриальной формы суф. *-ище*. Этот праславянский по своему происхождению формант бесспорно заменил западнобалтийский суф. *-isk-*, и данный способ славянизации представляется достаточно интересным с точки зрения тех словообразовательных процессов, которые в ту эпоху происходили в северославянском языковом ареале.

³⁵ Вацагас А. К вопросу о языковых ятвяжских реликтах в Литве. — *Acta Baltico-Slavica*, IX. Warszawa, 1976, с. 77.

³⁶ Буга К. *Op. cit.*, p. 137.

³⁷ Буга К. *Op. cit.*, p. 136.

³⁸ Trautmann R. *Op. cit.*, p. 80.

³⁹ Буга К. *Op. cit.*, p. 147.

⁴⁰ Там же.

2.1.1. В диалектах западных и отчасти восточных славян (в отличие от южных) в свое время появился новый суф. -isko, который уже в древнейших польских документах конкурировал с праславянским -iŝe и постепенно вытеснил его. Ср. формы географических названий из тех памятников, которые относятся к этому же десятилетию, что интересующий нас отрывок из Галицко-Волынской летописи: 1252 г. - Medvediscia, 1253 г. - Stanovischa, 1254 г. - Grodzyszcze (ныне Grodzisko)⁴¹. Кстати сказать, первые два названия можно рассматривать и как аналогичные в отношении множественного числа (-iszcza/-ища). Что же касается общей исторической перспективы функционирования -iszcze, то согласно В. Ташицкому, "по крайней мере для XIV в. уже трудно предположить широкую употребляемость этого суффикса. По всей вероятности, он был известен в этом веке уже только географическим названиям, но и они постепенно устранили его в пользу главным образом суффикса -isko-, чтобы на рубеже XIV-XV вв. полностью потерять его"⁴².

Если обратиться к восточнославянскому материалу, то окажется, например, что в памятниках староукраинского языка XIV-XV вв. отмечено только одно географическое название на -isko (*Точивско*), тогда как суф. -iŝe весьма активно участвовал в образовании ойконимов, выступавших как в единственном, так и во множественном числе: *Рожисче* и *кѣ Рожисчомъ*⁴³. Что же касается суф. -исько в составе современных географических названий Украины, то он известен только на территории ее западных областей⁴⁴.

В свете всего сказанного можно прийти к выводу, что поскольку интересующая нас часть летописи была написана в Холме и в ней прослеживается некоторое языковое влияние⁴⁵, следовательно, ее автор должен был ориентироваться в сосуществовании в современной ему польской речи параллельных слов и названий на -isko и -iŝe.

2.1.2. При встрече с названиями ятвяжских сел с западнобалтийским суф. -isk- летописец отождествил его с польским -isko и, исходя из соотношения -isko : -iŝe, славянизировал ятвяжские ойконимы с помощью общего для старопольского и древнерусского языков суф. -iszcze (-ище).

Таким образом, славянские факты подтверждают правильность реконструкции К. Бугой западнобалтийского суф. -isk- в названиях ятвяжских сел *Болдикища*, **Ольдикища* и *Привища*⁴⁶.

Значение этих ятвяжских данных для истории балтийских языков определяется целым рядом моментов. Прежде всего, из всех известных примеров ономастических образований с -isk- у западных балтов фиксация в Галицко-Волынской

летописи является древнейшей: 1254-1255 гг. против 1326 г. - года самого раннего свидетельства употребления таких форм (*Prabiske*) в собрании Г. Геруллуса⁴⁷. Далее обращает на себя внимание то, что эти названия сел на -isk-, во-первых, локализируются на окраине ятвяжских земель середины XIII в., и во-вторых, упоминаются - по пути следования войска - подряд. Следовательно, можно думать о существовании в то время особого ойконимического ареала на -isk- вроде зоны родственных литовских образований на -iŝki на территории северо-западных районов Белоруссии⁴⁸. Это тем более интересно, что опять-таки в топонимических материалах Г. Геруллуса в составе форм с суф. -isk- преобладают названия водных объектов при незначительном количестве наименований населенных пунктов.

2.2. Важность свидетельств Галицко-Волынской летописи состоит еще и в том, что славянизация словообразовательного облика рассматриваемых названий ятвяжских сел в данном случае больше сохранила их первоначальную форму, нежели последующая литуанизация. В самом деле: *Привища* 1254-1255 гг., как уже говорилось выше, позволяют реконструировать ятвяжск. **Preiviskiai*. Но ведь те же самые *Привища* в описании "Пуши Перстуньской" (называемой также Гродненской) под 1559 г. уже называются *Превиишками*: "А отъ Пруски миля до вочисча *Превиишокъ*... А отъ *Превиишокъ* двѣ мили до вочисча Конопного"⁴⁹. Итак, исходное ятвяжское название **Preiviskiai* уже литуанизировалось, и если бы этот ойконим не попал раньше на страницы истории, то ему пришлось бы бесследно раствориться в многочисленных литовских наименованиях населенных пунктов на -ишки (-iŝki), распространенных на крайнем северо-востоке ПНР⁵⁰. Заметим, в частности, что к этому же ряду ойконимов на -iŝki относится и название села *Prawdżiszki* (Элкский повят Белостокского воеводства), т.е. того населенного пункта, который принято считать продолжением *Привищ-Превиишек*⁵¹.

2.2.1. В плане освоения славянской языковой системой названия ятвяжских сел на -ища имеют интересную параллель в белорусских и польских ойконимах на -iŝki/-iŝki. Как в свое время показал Я. Сафаревич, в этом одном рефлексе совпало несколько словообразовательных типов литовского языка, относящихся к формам мужского или женского родов в единственном или множественном числе (пре-

⁴⁷ Gerullis G. Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin - Leipzig, 1922, S. 133.

⁴⁸ Бірыла М.В., Ваняга А.П. Літоўскія элементы ў беларускай анаместыцы. Мінск, 1968, с. 9-36.

⁴⁹ Ревизия пуц и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пуши и на земли, составленная старостой мстисловским Г.Б. Воловичем в 1559 году. Вильна, 1867, с. 50.

⁵⁰ Ср.: Prinz J. Op. cit., p. 112-114.

⁵¹ Kamiński A. Op. cit., p. 103; Wiśniewski J. Dzieje osadnictwa w powiecie Suwalskim od XV wieku do połowy XVII wieku. - In: Studia i materiały do dziejów Suwalszczyzny. Białystok, 1965, с. 60, 65.

⁴¹ Tazvyski W. Przyrostek -isko, -iŝe w językach zachodniosłowiańskich. - Slavica, IV (2), 1925, с. 219, 221.

⁴² Там же, с. 222.

⁴³ Гумецька Л.Л. Нарис словотворчої системи української актової мови XIV-XV ст. Київ, 1958, с. 47 и 55.

⁴⁴ Корепанова А.П. Словотворчі типи гідронімів басейну Нижньої Десни. Київ, 1969, с. 81.

⁴⁵ Генсворський А.І. Указ. соч., с. 99-101.

⁴⁶ Ваняга К. Op. cit., p. 142, 146, 147.

имущественно суф. *-isk-*io-*/*-isk-*iā*)⁵². Очевидно, следует предполагать не меньшее разнообразие и в исходных ятвяжских прототипах рассматриваемых названий. Таким образом, в свете данных о славянизации тождественных литовских форм решение задачи детальной (вплоть до окончания) реконструкции изучаемых ойконимов значительно усложняется. На помощь здесь может прийти только выяснение исходной основы каждого из рассматриваемых названий ятвяжских сел на -ища.

* * *

Один из тех основных выводов, к которым приводят рассмотренные материалы, относится как к названиям населенных пунктов, так и к личным именам ятвягов. Сравнительно короткий список ятвяжских личных имен, непосредственно представленных в исторических источниках, можно пополнить за счет реконструкции той части антропонимии, которая легла в основу географических названий ятвяжских земель. Необходимой опорой при таких "извлечениях" должны быть реально засвидетельствованные личные имена, выступающие в том или ином контексте с другими ятвяжскими языковыми элементами или же с западнобалтийскими (балтийскими) лингвистическими явлениями вообще. В данном случае таким дополнением к ятвяжскому антропонимикону стали имена Baldyka u Oľdyka.

Т. М. СУДНИК

К ИСТОРИИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ ПЕЛЯСЫ

В юго-западной части Вороновского р-на Гродненской обл. БССР в междуречье Дитвы и Пелясы к югу от местечка Радунь лежит несколько деревень, образующих ныне остров литовско-белорусского двуязычия в белорусском окружении: Пеляса (лит. Pelesà) – самая большая из деревень острова (195 дворов в 1976 г.) и средоточие ведущих языковых тенденций этого ареала, Смильгини (лит. Smilgīnai), Виганцы (лит. Vigonys), Карговды (лит. Kargaudai), Клайши (лит. Klaišiai), Помедь (лит. Pamedė), Пилкнцы (лит. Piliūnai), Поволока (лит. Pavalakė), Подитва (лит. Padzityš/Padzvičys), Старые и Новые Друскиники (лит. Senieji ir Naujieji Druskininkai), Лелюши (лит. Leliūšiai).

В плане соотношения литовского и белорусского деревни, образующие остров, не представляют равномерности и единства. Напротив, здесь, на небольшом пространстве острова, как бы сошлись различные стадии преобразования во времени некогда единой языковой ситуации: и почти полное угасание литовского, когда, говоря о носителях двуязычия, приходится ссылаться лишь на старейших жителей деревни (Смильгини, Лелюши и особенно Помедь), и равновесие, количественное и качественное, обоих компонентов двуязычия (Пеляса, Пилкнцы, Дубинцы), и сохранение, едва ли не в нетронутом виде, исконного преобладания литовского (Поволока). И тем не менее, несмотря на разницу и контрасты, внутреннее единство пелясского острова продолжает осознаваться людьми через память о прошлом и пиетет к традиции.

Три четверти века назад вблизи Пелясы проходила литовско-белорусская этноязыковая граница: "... Далее граница идет по северной части Лидского уезда: в юго-западном направлении от Геранон почти до ст. Бастуны Полесской ж.д. и далее до Заболотья, оставляя к северу литовскую волость Радунь и д. Пелясу, затем граница резко поворачивает на северо-восток, захватывая Начу и Ейшишки в белорусскую область..."¹. Статистические данные конца прошлого века, из которых исходил Е.Ф. Карский, свидетельствуют о смешанном населении пелясских деревень того времени: в пелясской гмине из 1723 чел. значилось литовцев 1421, белорусов и поляков 302².

¹ Карский Е.Ф. К вопросу о влиянии литовского и латышского языков на белорусское наречие. – Сборник статей, посвященных учениками и почитателями академику и заслуженному ординарному профессору Ф.Ф. Фортунатову. Варшава, 1902. Цит. по переизданию: Карский Е.Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, с. 385–386.

² Anonim. Obszar języka litewskiego w gubernii wileńskiej. W Krakowie, 1898, с. 64. – Автор основывается на мате-

⁵² Safarewicz J. Litewskie nazwy miejscowe na -iškai. – Onomastica, II(1), 1956, с. 56–57.